

**ЭТО МОЙ МИР:
ФРОНТОВЫЕ ДНЕВНИКИ МАТРОСА-ПОДВОДНИКА**

Екатерина Постникова

Виктория Волкова

Магнитогорский государственный
технический университет,
Магнитогорск, Россия

**THIS IS MY WORLD:
A SUBMARINER'S BATTLEFIELD DIARY***

Yekaterina Postnikova

Viktoriya Volkova

Nosov Magnitogorsk State Technical University,
Magnitogorsk, Russia

Battlefield diaries written by simple soldiers and seamen are unique, rare, and practically uncensored sources of war anthropology. The authors combine the comparative historical method of literary criticism with source analysis, which enables them to consider the Great Patriotic War from the point of view of personal history and reveal the peculiarities of wartime ego-documents. The authors refer to the battlefield diary of G. I. Sennikov, a submariner of the Northern Fleet, written between 1943 and 1946. The diary combines the genres of a diary and an ego-document. The peculiarity of the text is the fact that it combines the functions of a battlefield diary (keeping the author's memories, having a therapeutic effect, etc.) and those of the individualisation process which helps the author to construct and preserve their own personality (self-identification, self-expression, philosophical, analytical, and vicarious functions, etc.) in the extreme conditions of war (from Murmansk between 1943 and 1944 to Crimea between 1944 and 1946). The autobiographic narrative bears the typical features of a diary, reflecting the development of a young Red Army sailor, i. e. severe self-criticism, the "other" individuality which the author painfully becomes aware of,

---

* *Citation:* Postnikova, Y., Volkova, V. (2020). *This Is My World: A Submariner's Battlefield Diary*. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484.

Цитирование: Postnikova Y., Volkova V. *This Is My World: A Submariner's Battlefield Diary* // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484 / *Постникова Е., Волкова В. Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника* // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 623–638. DOI 10.15826/qr.2020.2.484.

a frank and quite often uncomplimentary analysis of situations related to sexual relations. Additionally, the diary reflects the crucial stages in the sailor's personal growth. The author of the diary builds a world of his own and works out his own ethical code; also, he creates a life plan and sets goals for himself.

Keywords: Great Patriotic War; man at war; battlefield diaries; battlefield practices; autobiographic narrative; G. I. Sennikov.

Фронтовые дневники непосредственных участников боев, особенно солдат и матросов, являются уникальными и практически неподцензурными источниками антропологии войны. Обращение автора к литературоведческому сравнительно-историческому методу в соединении с источниковедческим анализом позволяет увидеть события Великой Отечественной войны сквозь призму личной истории, выявить специфику эго-документов военных лет. Источник данной работы – дневниковые записи 1943–1946 г. матроса-подводника Северного флота Г. И. Сенникова – сочетает в себе жанр военного событийного дневника и эго-документа. Особенностью изучаемого текста является соединение функций фронтового дневника (сохранение памяти, психотерапевтический эффект и др.) со специфическими функциями процесса индивидуализации, подчиненного задаче построения и сохранения собственной личности (самоидентификацией, самовыражением, философско-аналитической и компенсаторной функциями и др.) в экстремальных условиях войны (от Мурманска 1943–1944 г. до Крыма 1944–1946 гг.). В тексте автобиографического нарратива проявляются характерные черты дневника, связанные со становлением личности молодого краснофлотца: жесткая самокритика; болезненно прочувствованная собственная «иная», «другая» индивидуальность, нетипичность; откровенный, иногда некомплементарный анализ ситуаций, связанных с интимными отношениями; фиксация точек роста (взросления); создание собственного мира, «своего» пространства; выработка и фиксация собственного этического кодекса; построение программы жизни, задач на будущее.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; человек на войне; военные дневники; фронтовые практики; автобиографический нарратив; Г. И. Сенников.

Задачами целенаправленного систематического изучения антропологического аспекта истории войны, являющегося важнейшим ресурсом для понимания современности и социального прогнозирования, становятся поиск, атрибуция, введение в научный оборот новых источников. В архивах России военные дневники представлены единично, что обусловлено официальным запретом на их ведение (в целях безопасности), в отличие от фронтовых писем. Поэтому каждый такой текст представляет особую ценность как уникальный, практически неподцензурный документ, фиксирующий военные события.

Сотрудники Лаборатории народной культуры НИИ исторической антропологии и филологии МГТУ им. Г. И. Носова много лет работают над выявлением, атрибуцией, расшифровкой и публикацией документов личного происхождения Великой Отечественной войны [О войне из войны; «...Я умру, когда природа будет воскресать»]. В архиве лаборатории хранятся электронные копии трех фронтowych тетрадей матроса-подводника, штурманского электрика подводных лодок «М-107» («Новосибирский комсомолец») и «М-119» Г. И. Сенникова: первая тетрадь охватывает события войны на Севере (Мурманск, Полярное – Северный флот) с августа 1943-го по май 1944 г. (214 с.) и содержит в том числе подробное описание боев, гибели и побед подводных лодок, очерковые зарисовки сослуживцев и командиров. Вторая тетрадь – Крым (Черноморский флот) с сентября 1944-го по август 1945 г. (158 с.), третья тетрадь – с октября 1945-го по май 1946 г. – Крым, Балаклава (157 с.) [Архив ЛНК. РФ 42. Д. 1, 2, 3]. Вторая и третья (крымские) тетради отражают процесс «выхода из войны», позволяют отследить проявления посттравматического синдрома, исследовать проблему адаптации фронтовиков к послевоенной мирной жизни, дают представление о повседневной жизни послевоенного Крыма. Демобилизовался Георгий Иванович в феврале 1947 г.

Ведение дневников на фронте не поощрялось командованием. Но подводники были элитой военно-морского флота. После благополучного возвращения из боевого похода у Георгия Ивановича была возможность читать, писать, рисовать, фотографировать на базе подводников в Полярном (под Мурманском), о чем он неоднократно упоминает в своем дневнике. Штурманский электрик «М-119» обозначает точное место и комментирует условия ведения записей во время Великой Отечественной войны на Севере. В первой тетради читаем:

Часть команды, не занятая на вахте, укладывается спать, а т. к. отсек мой аккумуляторный, жилой, то я вскоре один остаюсь среди царства сна. Я не сплю (мы на ходу подзаряжаем батарею) и произвожу замеры в обеих ямах [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 63].

Георгий Иванович вел запись показаний приборов в штурманском журнале и здесь же делал заметки (черновые). В крымских тетрадях он уточняет то место в лодке, где имел возможность уединиться с книгой или дневником:

В четвертом отсеке, под гирокомпасом, у меня есть уютное местечко. Там пропадаю я весь день, читая Роллана. Я не несу ходовой вахты и, если все мои приборы работают нормально, мне нечего делать [Там же. Д. 3. С. 103].

В семье Сенниковых сохранился черновик северной тетради, которую молодой краснофлотец прятал между страниц штурманского журнала и позднее переписал в чистовик. Сделано это было не позднее лета 1944 – мая 1946 г. Есть все основания утверждать, что три тетради дневников, которые сохранились в семье Сенниковых, написаны именно в Крыму. Первая тетрадь – это восстановленный, переписанный набело из черновика дневник, фиксирующий события войны на Севере (северный дневник). В двух крымских тетрадях записи делались сразу или почти сразу после события. Если сравнить два документа, черновик и чистовик северной тетради, которые соотносятся как претекст и текст, можно понять принципы самоцензуры. Вот что не вошло в чистовой вариант: горькая правда о гибели товарища, неудачная шутка, оскорбившая представителя другого рода войск («чудик авиационный»), нецензурное выражение (о самолете: «б... изобретение») [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 4].

Дневник Г. И. Сенникова можно отнести к *типу дневников периода индивидуализации* (согласно классификации О. Г. Егорова), так как он велся с 19 до 22 лет жизни автора [Егоров]. Процесс психологического становления личности завершается чаще всего к 25 годам. Восстановленный нами по наградным документам список экипажа подводной лодки «М-119» свидетельствует о том, что Георгий Иванович Сенников 1923 года рождения был на лодке одним из самых молодых. За эту молодость, страсть к чтению и самообразованию, по свидетельству командира «М-119» К. М. Колосова, за Сенниковым закрепилось прозвище «Студент» [Сенников, с. 4] (ил. 1 на цв. вклейке).

Обратимся к жанровой специфике и функциональным особенностям исследуемого эго-документа. Жанр дневника Георгия Ивановича можно определить как *фронтной дневник*. Уникальность данного дневника заключается в соединении указанных типа и жанра (*дневник процесса индивидуализации и фронтной дневник*). Этот эго-документ позволяет вникнуть в психологию самоосуществления юного бойца, проследить процесс становления его личности в экстремальных условиях войны. В дневнике Сенникова фронтником-подводником решаются задачи установки системы ценностей, поиска духовно-нравственных ориентиров, самовоспитания, выработки волевых качеств и корректировки собственной личности, адаптации комбатанта к экстремальным условиям войны.

Главная функция фронтного дневника – *функция памяти*. Отсюда детальная фиксация событий, правды, отличной от официальной. Вот что Георгий Иванович рассказывает о том, как он оказался на лодке «М-119»:

Февраль 1944 г. Полярное.12/ II. Убит Яшка Васильев, штурманский электрик п/л «М-119», самый веселый, самый неугомонный паренек в бригаде. Умер самой идиотской смертью, какую только можно представить себе. Сам черт не разберется в этой истории. Самое неприятное то,

что эта смерть имела некоторое отношение ко мне. Сегодня я получил приказ: занять Яшкино место [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 53].

Сохранился листок из дневника штурманского электрика, в котором смерть Якова Васильева описана иначе:

Вчера он поругался с радистом своей подводной лодки. А сегодня утром этот тип принес с лодки автомат и в упор всадил в Яшкину грудь девять пуль, зацепив по пути еще двух человек. А потом сел на койку и дал очередь по собственной голове, но, к несчастью, только ранил себя. Сам черт не разберет ничего в этой истории. Или люди до такой степени перенервничали, или... Факт тот, что Яшка, десяток раз бывавший в море, потопивший четыре немецких корабля, Яшка, награжденный за бесстрашие «Звездой», не раз смотревший в глаза смерти, побывавший не в одной переделке, погиб у себя в кубрике, дома, от руки своего товарища. Что может быть обиднее и паскуднее этого? Иду на Яшкино место. Не скажу, чтоб я пылал желанием попасть на этот мрачный кораблик, но очень часто на желания сейчас приходится плевать. Да и все равно. Иду, в общем, а что там – никто не может знать [Там же. Д. 4. С. 10].

В книге «Выстрел в бухте», изданной по материалам дневника (1969 г.), от этого эпизода осталась одна строка:

Сегодня меня вызвал к себе начальник штаба дивизиона и вручил приказ перейти на подводную лодку «М-119». У них погиб штурманский электрик. Я должен занять его место [Сенников, с. 7].

Перед нами феномен самоцензуры во фронтовых дневниках и цензуры в книгах о войне, изданных в советский период. Странички черновика автор дневника сохранил именно потому, что в них содержится более подробная и правдивая история гибели штурманского электрика «М-119», на чьем месте потом оказался Г. И. Сенников. В документах о потерях Северного флота зафиксирована эта дата «выбытия» Васильева Якова Афанасьевича 12 февраля 1944 г. с указанием «Погиб в бою» [Именной список безвозвратных потерь личного состава].

Дневник краснофлотца, даже подвергшийся самоцензуре, как ни один из официальных документов, может передать трагедию войны. Матрос-подводник не мог себе позволить откровенно написать о своем товарище, неожиданно для себя и других ставшем убийцей сослуживца. Но в дневнике Сенникова завеса тайны, окружающей это страшное событие, приоткрывается в апрельской записи. Листая первую северную тетрадь, мы обнаружили очень профессионально сделанный портрет матроса с подписью художника Сикорского и комментарием автора дневника:

Сикорский – бывший беспризорник, воспитанник детского дома. Кончил художественное училище. Прекрасно рисовал. (В эти годы было не до живописи.) Помню, однажды на вахте он нарисовал здоровенный портрет какого-то мужчины. Весь эффект заключался в том, что при близком рассмотрении весь портрет состоял из женских обнаженных фигур. Сделан он был здорово и, конечно, вызвал у матросов всеобщий восторг. Сам С. отличался веселым характером и был хороший товарищ [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 146].

Автор комментария не скрывает своей симпатии к близкому по духу, по художественной натуре бывшему беспризорнику, при этом говорит о нем в прошедшем времени. Совершенно другими глазами видится эта запись, когда на сайте «Великая Отечественная под водой: о подлодках и подводниках 1941–1945 гг.» были обнаружены следующие подробности гибели Якова Васильева:

Васильев Яков Афанасьевич, 1920 г. р., старшина 2 статьи, командир отделения штурманских электриков подводной лодки «М-119». <...> 12 февраля 1944 года застрелен краснофлотцем Сикорским из мести за требовательность при проведении авральных работ. Похоронен в Полярном [Потери личного состава ПЛ СФ].

Не имея возможности откровенно изложить все обстоятельства трагедии, разыгравшейся в кубрике на базе подводных лодок в Полярном 12 февраля 1944 г., Сенников все же считает необходимым завуалированно выразить свое отношение к произошедшему и дать характеристику участникам событий.

Великая Отечественная война для Георгия Ивановича и его поколения являлась личным опытом, автобиографическим фактом, отраженным в эго-документах. Фронтовой дневник – это форма субъективной памяти о событиях Великой Отечественной войны.

Важнейшая функция ведения фронтového дневника – *психотерапевтическая*. Ее задача – притупить чувство страха, преодолеть его через объективизацию и рационализацию. Дневник юного матроса-подводника показывает, что страх – лейтмотив текста эго-документа. Страх угнетает, он неотвратимо преследует, а рассказать об этом товарищам стыдно, да и паниковать прилюдно перед боевым походом нельзя. Дневник в таком случае выступает в роли психоаналитика, которому можно выговориться, снять напряжение. В процессе внутреннего разговора, который автор дневника ведет сам с собой, происходят разрядка накопившегося напряжения и проработка внутренних конфликтов.

В дневнике Георгия Ивановича за 1943 г. есть такая запись:

Сегодня матросы с «Пятерки» поймали одну крысу каким-то хитрым способом. Они вытащили ее на верхнюю палубу и бросили за борт. Все мы, движимые каким-то нездоровым любопытством, стояли у поруч-

ней и жадно следили за тем, как она билась в воде, пытаясь долгое время безуспешно выбраться по отвесному борту корабля и, наконец, затихла, бессильно погрузив голову в воду. Неожиданно *острая боль сжала мое сердце*. Ведь, может быть, через несколько дней *и я буду вот так же биться* в безжизненных потоках воды, стараясь поймать стеклянным взором последний солнечный луч уходящей жизни... (декабрь 1943) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Е. П., В. В.) [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 35].

Юный подводник не просто идентифицирует себя с гибнущим животным, фиксируя чувство страха, передавая его в художественном образе с помощью ярких эпитетов и метафор («стеклянный взор», «последний луч уходящей жизни» и т. д.), он пытается это чувство анализировать, то есть преодолеть страх, отодвинуть его, используя механизм рационализации. Автор беседует сам с собой, отвечая на собственные вопросы. В этом проявляется *аналитическая функция* военного дневника. Цитируем из северной тетради:

Что такое трусость и что такое храбрость? <...> А чего боится человек? Что страшит его? Или сам процесс умирания, физическая боль, или то, что ты перестанешь существовать? Мысль о том, что ты никогда уже больше не будешь – пожалуй, страшнее. И как это глупо – иметь способность размышлять на войне. По всякому поводу и без повода [Там же, с. 38].

Аналитический подход к экзистенциальному чувству страха перед смертью, пошаговый разбор смертельно опасных ситуаций во фронтowych тетрадях Георгия Ивановича сочетается с такими специфическими чертами дневника процесса индивидуализации, как, например, идентификация и фиксация точек взросления. Показательна в этом отношении запись, сделанная 7 апреля 1943 г. после тяжелого мартовского похода «М-119» (28 марта – 2 апреля 1944 г.), в которой матрос-подводник задается вопросом «Кто я?»:

Итак, *на повестке дня – я*. Кто я такой – мне известно. (А известно ли?) Может быть, другие люди понимают нас лучше, чем мы сами? [Там же, с. 155].

Специфика работы над собственной идентичностью в травматических условиях войны проявляется в том, что главным критерием для идентификации выступает оппозиция «трусость – мужество». Георгий Иванович пишет:

Два вопроса последние годы особенно сильно волновали меня. Именно волновали. Если бы они не были решены, о них не стоило бы писать. 1. Мое отношение к войне. 2. Мое отношение к женскому полу. Первый вопрос поставлен неверно. Проще этот вопрос было бы поставить так: *трус я или нет, слякоть или человек?* [Там же].

Далее в этой записи следует жесткий системный анализ, причем с ретроспективным взглядом в прошлое и четкой фиксацией точек роста (взросления). Первая точка взросления, отмечаемая Георгием Ивановичем, относится к периоду начальной школы, детству в Омске. Идет описание детской драки, в которой герой, отчаянно сопротивляясь, заставляет соперника отступить:

Вероятнее всего, они решили: ну его к черту, ненормальный какой-то! Но, тем не менее, я *прослыл героем на весь свой квартал* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 156].

Вторая имеет отношение к подростковому периоду, связанному, скорее всего, со школой в Тевризе (поселок на Севере Омской области):

В шестом классе школы мне случилось пробыть три дня одному в тайге. Я заблудился. <...> Я с честью вышел из положения. И тогда я гордо решил, что *смело могу тягаться с героями Джека Лондона* [Там же].

Третья точка взросления связана со смертью матери в Омске, когда автору дневника было всего 15 лет (1938 г.):

Потом, через год, я хоронил мать. Она умерла буквально на моих руках, а рядом не было ни одного близкого человека. <...> Потом я собственными руками закапывал могилу единственного родного человека. А ведь мне было тогда *только 15 лет*. После этого *мне казалось, что сразу стал взрослым*. Я спрашивал себя: может ли теперь меня испугать хоть что-нибудь? И отвечал: нет! [Там же].

Четвертая точка взросления, отмеченная юным подводником, это фронт (после 1942 г.):

А теперь мне двадцать лет. Я на фронте, где каждый день представляется возможность проявить чудеса героизма. А я целый год, испытывая адские нравственные муки, ломал голову над вопросом: *трус я или не трус!* [Там же, с. 157].

Георгий Иванович описывает «первое крещение», когда, стоя на вахте на лодке, он стал свидетелем авианалета и впервые увидел «обыкновенный бой», крики, плач, вой самолетов и черные лужи крови на снегу. 19-летний матрос фиксирует физические признаки того ужаса, который ему пришлось пережить:

Глядя со стороны на эту страшную картину, я почти чувствовал, как шевелились волосы на моей голове от ужаса. Холодный пот на спине и в сжатых кистях рук. А в ногах – непрерывная противная дрожь... <...> Боже, как я страдал на другой день, именно на другой. Страдал нравственно, а эта боль бывает страшнее боли физической. *Страдал от мысли, что я... жалкий трус, ягненок, возомнивший себя волком* [Там же, с. 158].

В дневнике даже есть намек на возможное самоубийство, которое чуть не совершил молодой подводник, решив, что он трус. Спас положение только случайно услышанный разговор двух командиров подводных лодок «М-107» и «Щ-402» (Н. И. Павлицкого и А. М. Каутского), в котором они делились воспоминаниями о своих ощущениях после первого боя:

Краем уха я услышал разговор нашего командира с командиром краснознаменной «Щ-402». Этот увешанный орденами подводник, о мужестве и отваге которого ходили легенды, рассказывал нашему бате о том, как он чуть не умер от страха в первом бою [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 159].

Необстрелянный краснофлотец взял на вооружение рецепт храбрости от своих командиров – шутить и даже смеяться в критический момент над собственным страхом.

Юный подводник как творческий человек ощущал острую *потребность в самовыражении*. Для него писать было так же естественно, как дышать. И эту важнейшую функцию дневника он осознавал как необходимую норму своего самоосуществления и собственного жизнепротекания, как поведенческий стереотип:

В общем, все в порядке. *Солнце светит, земля вертится, я пишу*. Что пишу и для чего пишу – можете спросить египетского фараона. Сам я явно не знаю [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 139].

Острое желание высказаться – это типичная черта дневника индивидуализации:

Иногда у меня появляется острое желание словоблудия. Вот и... (а как будет первое лицо от глагола блудить? И глагол-то какой!). Блудить. Блужу? Бр-р-р! <...> А зачем? [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 155].

Пытаясь описать грандиозные события, в гуще которых он оказался, объективируя пережитое, молодой подводник мучительно осознает ограниченность своих писательских способностей. Ему трудно подбирать верные слова и фразы. Слог кажется корявым, ведь он находится в процессе выработки. Эти муки творчества, так знакомые любому художнику, оправдываются только жанром дневника, ведь это только для себя, не для другого:

Нет, опять не то! Не то! А впрочем – какого черта! Что, я роман пишу? Это *для себя, это мой мир*, а в нем я всегда разберусь [Там же. С. 38].

Создание «своего мира», своего личного пространства – важнейшая психологическая функция дневника человека, переживающего процесс психологического самоосуществления личности. Участвуя

в большом социальном событии, являясь частью огромного человеческого моря, молодой человек не мог активно сопротивляться судьбе, имел мало возможностей ощутить себя личностью, индивидуальностью. Фронтовой дневник для юного матроса – это попытка в огромном хаотичном мире создать «свое собственное» пространство, «свой мир» и через это прочувствовать свою обособленность, целостность, индивидуальность.

Георгий Иванович сам пытается понять, зачем он ведет дневник:

Слишком много глупостей на свете. Кругом! Хотя бы эта моя писанина. Зачем? Для кого? Логически рассуждая, нерациональная трата времени. Вещь, абсолютно никому не нужная. Никто не увидит ее. Самое вероятное – это то, что в конце концов эта тетрадка будет плавать вместе со мной где-нибудь на дне морском... но опять-таки наплевать. Я уже не могу без этого собственного уютного мирка. Он да письма – вот то, что я имею своего личного! [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 54].

Подводником еще раз отмечается необходимость существования «своего личного» пространства для сохранения психологического равновесия. В этом проявляется *компенсаторная функция* ведения дневника во фронтовых условиях.

Важно, что мечтой, идеалом, вокруг которого создавался этот самый «свой мир», для фронтовиков часто была женщина. Исследователями не раз отмечалась важность фронтowej переписки, особенно писем от женщин, для психологического равновесия бойца. Для Георгия Ивановича такую роль играли письма от Л. (Любы), которые он получал регулярно в самые трудные годы войны. В крымском дневнике он пишет:

Желание, необходимость большой и светлой любви заставляли меня вкладывать душу в письмах к Л. <...> И это был мой мир, мир, наполненный прекрасными грезами, светлой мечтой. Он помог мне пронести себя благополучно через самые тяжелые испытания [Там же. Д. 2. С. 53].

Проблема взаимоотношений полов, остро переживаемая в период индивидуализации, по-особенному отражается во фронтовом дневнике матроса. Характерной его чертой являлась особая категоричность в этом вопросе. Женщины делятся на идеальных, «чистых» и на абсолютную их противоположность. Причем вторых, по мнению матроса-подводника и его товарищей, гораздо больше. Целомудренное отношение к женщинам – то, что выделяло Георгия Ивановича из «гильдии» («золотых списков») моряков, мешало вписаться в «матросское братство». Эта тема дает возможность болезненно прочувствовать свою «иную», «другую» индивидуальность, нетипичность. Отсюда постоянный страх, чтобы тетрадь не нашли и не прочитали матросы:

Сидели и болтали. В. говорила бессвязно, а в глазах ее я явно читал: «Ну обними же ты меня, целуй же наконец...» Но пусть меня вычеркнут из золотых списков буйных, бесшабашных, вечно веселых и любвеобильных моряков, а я просто не могу этого сделать после тех слов у Л., после писем. *Дай бог, чтобы эта тетрадь не попала в руки моих товарищей, иначе они сдерут с меня десять шкур за эти слова* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 1. С. 57].

В дневнике матрос не раз описывает нелепые ситуации, связанные с женщинами, и в этих описаниях проявляется страх чужого взгляда, стороннего наблюдателя:

Я, конечно, никому не стал рассказывать эту историю. *Представляю, как бы веселились наши мальчики.* Но этого урока я, кажется, никогда не забуду [Там же. Д. 3. С. 91].

Ощущение инаковости выражается в самоопределениях «урод», «белая ворона»:

Мне положительно не нужно бывать там... *Черт возьми! Как я скверно устроен! Почему я не могу, как другие: провести вечер с любой, говорить этой любой все то, что я сказал бы только...* Ну и черт с ним! Но это ежевечернее смакование подробностей в кубрике. Это гадость. Мне всегда хочется сказать: «Ну зачем ты болтаешь, зачем трясешь своим грязным бельем перед всеми?» Беда в том, что никто не видит на этом белье грязи. Скорее наоборот [Там же. Д. 1. С. 40].

Или, к примеру, строчки из Крымского дневника 1944 г.:

Вечерет. Команда получает деньги. Матросы один за одним исчезают в сумерках. Будет шум в «Серой рыбе». Одного меня, вероятно, это мало трогает. <...> Вероятно, это плохо. Отрываться от коллектива нельзя даже в этом случае. Вероятно, *я просто урод, что не могу так, как все.* Но я не могу! [Там же. Д. 2. С. 39].

Особенно остро эта проблема встала уже после войны в Крыму, когда другие матросы, сослуживцы-подводники, отчаянно бросились наверстывать упущенное в отношениях с женщинами. Георгию Ивановичу такое «наверстывание», свободная любовь с женщинами легкого поведения давались очень трудно. Это мучительное состояние, связанное и с послевоенной депрессией, и с неудачей в любви (адресат писем Л. не дождалась его с фронта и вышла замуж) – постоянная тема крымского дневника:

А я... Я ушел. Сколько раз я буду уходить еще? Господи, почему мне такой пакостью кажется то, что для других служит источником радостей? *Почему я не могу как все? Быть белой вороной плохо. Очень плохо! Очень*

плохо, когда в тебя постоянно тычут пальцем. *Кто меня сделал таким? Мать? Книги? Или те письма?* Но ведь именно это, последнее, доказало и обратное... Я скоро или взорвусь, или наделаю глупостей [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 153].

И, конечно, свои тревоги фронтовик, болезненно переживающий процесс «выхода из войны» и личную травму предательства любимой, мог доверить только дневнику.

О. Г. Егоров отмечает, что у большинства дневниковедов создание системы нравственных норм и выработка ценностей сопровождаются беспощадной критикой собственных недостатков [Егоров, с. 19]. *Жесткая самокритика* – это характерная черта дневников процесса индивидуализации. Не щадя себя, молодой матрос во фронтовом дневнике описывает ситуации, за которые ему «было стыдно». Это могла быть и «глупая» ситуация, как та, которая случилась, например, в новогоднюю ночь 1944 г., когда, выпив с товарищами, Георгий Иванович отправился «шататься» по Росте, которую всю ночь «долбили фрицы», и угодил в огромную воронку, из которой смог выбраться только под утро:

Так и «провоевал» всю ночь. Ребята уже думали, что меня угрохало, и искренно удивились, когда я утром заявился домой, весь в земле, но целый и невредимый. А потом я читал письмо с голубем на конверте, и *мне было стыдно* [Там же. Д. 1. С. 46].

Случались и опасные ситуации, чуть не стоившие жизни всему экипажу, как та, которую Георгий Иванович описывает в записи от 21 января 1944 г., когда, не прочитав инструкцию к новому прибору РУКТ-5, он рассыпал вещество из сетки. Далее он пишет:

Потом замел его и со спокойной душой ссыпал в ведро с промасленной ветошью. Я и не подозревал, что эта белая гадость бурно выделяет кислород. Произошел взрыв. Над ведром столбом поднялось пламя. И это в аккумуляторном отсеке! <...> Нас задраили с обоих концов. <...> А с Рыбачьего передали в штаб бригады: «Всплыла малютка. Из лодки идет дым». Похоже, там перепугались больше нашего [Там же, с. 48].

Фронтовой дневник дает представление *о жизни души* человека, рассказывает *историю эмоций* автора. Краснофлотец не скрывает от себя свои слезы перед лицом смерти:

И, наконец, неизбежное. Выходит из строя агрегат гирокомпаса. <...> Но я не пытаюсь поставить его на место и закрепить... Не все ли равно теперь, в каком положении он застынет? *В горле – ком слез. И не стараюсь их скрыть* [Там же, с. 137].

Он откровенно пишет о своих эмоциях: о навязчивом страхе, о том, как ему хочется то заплакать, то обнять товарищей или командира, и чувство радости переполняет его. Характерно, что в опубликованной в советское время по материалам дневника повести «Выстрел в бухте» именно история эмоций не нашла никакого отражения. Связанные с чувствами эпизоды были убраны. Таким образом, текст оказался абсолютно выхолощенным, сухим, обедненным.

Важнейшая функция дневника процесса индивидуализации – *построение программы (плана) на жизнь (задач, желаний, резюме)* на будущее. Значимым структурным элементом дневника является и система нравственных правил и требований, вырабатываемых в процессе самоосуществления личности. Мы можем утверждать, что, ведя дневник, юный матрос занимался и самовоспитанием, выработкой волевых качеств, корректировкой собственной личности.

Показательна в этом отношении запись из крымского дневника, датированная ноябрем 1944 г., которая, в сущности, представляет собой *этический кодекс*, свод незыблемых правил на всю оставшуюся жизнь, выработанных в тяжелейших условиях войны, экстремальных условиях существования на грани жизни и смерти:

Балаклава. Ноябрь 1944. Больше *узнавай людей. Старайся заглянуть в каждую душу*. Душа человеческая – самое ценное и самое интересное в мире. *Помни*, что серой природы и серых дней нет. В твоих же силах и воле сделать из серого розовое. Красота окружает нас всюду. *Умей* находить ее. *Будь* всегда жизнерадостен. Радость жизни! Пойми, прочувствуй эти слова. Прошлое всегда прекрасно. *Вспоминай его, но не жалея о нем*. Это лишняя боль. *Не заглядывай* в будущее раньше времени. *Живи сегодня*. Живи так, чтобы каждая минута была занята с пользой для тебя. Слово «люблю» – святое слово. *Береги* его, не бросайся им. *Будь честен* перед самим собой. Если ты считаешь, что прав, не обращай внимания на плохое мнение о тебе других. Если совесть твоя спокойна, значит, все, что ни говорят – неправда. *Никогда не жалуйся, не ной*, это недостойно мужчины. *Смейся в несчастье*, только в этом случае это не согнет тебя [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 42–43].

Что касается жизненных планов и программы самообразования, характерных для дневников процесса индивидуализации, то в крымских тетрадах 1944–1946 гг. не раз появляется мысль соединить то и другое в студенческой жизни. Мечта поступить в университет и получить педагогическое образование (не зря на флоте у Георгия Ивановича была кличка «Студент») проявляется, например, в отрицательной самоидентификации, а точнее, в наименовании, которое подводник дает себе, в записи, посвященной рассказу об отпуске после войны, проведенном в Омске:

В конце концов я почувствовал себя в старом обличи *недоучившегося студента. Юрка, какими-то темными путями не попавший в армию и теперь кончающий институт, был неизмеримо выше меня. И никто не думал о том, что ведь я и подобные мне своей кровью и жизнью дали ему эту возможность. Война кончилась, и слишком многие постарались забыть ее поскорей* [Архив ЛНК. РФ. 42. Д. 2. С. 151].

Здесь стоит отметить, что свою мечту матрос-подводник впоследствии реализовал, закончив филологический факультет Саратовского пединститута и аспирантуру по русской литературе в Ленинградском педагогическом институте им. А. И. Герцена.

Великая Отечественная война сформировала личность краснофлотца Сенникова. Фронтные воспоминания были воплощены в повестях, рассказах и эссе. Характерно, что за год до смерти Георгий Иванович снова возвратился к теме войны как главной теме своей жизни, создав ряд живописных картин. Многие из воплощенных в этих картинах сюжетов в качестве этюдов содержатся во фронтных дневниках (например, сюжет из тетради № 1 «Выход в море. Оленья губа»). Последним произведением Г. И. Сенникова стала картина «Матрос», на которой спасающийся с горящего судна моряк плывет прямо на глубоководную мину (ил. 2 на цв. вклейке).

Анализ фронтных дневников Г. И. Сенникова показал, что одна из важнейших функций ведения дневника – реализация задачи, стоящей перед бойцом в экстремальных условиях войны, собрать свою личность, не дать ей рассыпаться. В данном случае мы солидарны с выводами представителя нарративной психологии: «Посредством текста организуется сама личность его носителя, нарратив является организующим фактом человеческой психики. Личность не предшествует порождаемому повествованию, а создает себя в процессе этого порождения» [Нуркова, с. 81]. Мы можем с большой долей уверенности утверждать, что в экстремальных условиях войны, рассказывая себе о себе, самовыражаясь, дневниковед *создавал свою личность*.

Дневники Георгия Ивановича как эго-документы военных лет убедительно показывают, что именно на фронте им были усвоены этические принципы, выработаны ценностные ориентиры, заданы стереотипы поведения и выбран жизненный сценарий. Война обеспечила исторический смысл контекста индивидуальной жизни. Этим объясняются некоторые функциональные особенности изучаемого эго-документа: соединение функций фронтного дневника (функции памяти, предполагающей детальную фиксацию событий войны и точку зрения на них, не всегда совпадающую с официальной, психотерапевтической функции, позволяющей преодолеть чувство страха) со специфическими функциями дневника процесса индивидуализации, подчиненного задаче построения и сохранения собственной личности. Вторым обусловлены такие специфические функции дневника молодого комбатанта, как самоидентификация (в том числе и через литературных

героев, и отрицательная), самовыражение, компенсаторная функция, философская и аналитическая функции, функция создания «своего мира», своего личного пространства, фиксации точек взросления (точек роста), самовоспитания, воспитания волевых качеств, корректировки собственной личности. Дневник процесса индивидуализации имеет специфику, связанную с личностью молодого подводника и ярко выраженную в тексте автобиографического нарратива: жесткую самокритику; болезненно прочувствованную собственную «иную», «другую» индивидуальность, нетипичность; откровенный, иногда некомплементарный для дневниковеда анализ ситуаций, связанных с интимными отношениями; выработку и фиксацию собственного «этического кодекса»; построение программы (плана) на жизнь, (задач, желаний, резюме) на будущее.

Список литературы

Архив лаборатории народной культуры (ЛНК). Фронтальные записи Сенникова Г. И. Рукописный фонд (РФ) 42. Д. 1, 2, 3, 4.

Егоров О. Г. Русский литературный дневник XIX века. История и теория жанра : Исследование. 2-е изд. М. : Флинта : Наука, 2011. 280 с.

Именной список безвозвратных потерь личного состава // Память народа : [официальный сайт]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77738801/ (дата обращения: 29.03.2019).

Нуркова В. В. Рассказывать о себе, рассказывать себя, рассказывать собой: автобиографический нарратив с позиции культурно-деятельностного подхода // Развитие личности. 2010. № 1. С. 73–92.

О войне из войны: народная письменность 1941–1945 гг. / сост. С. А. Моисеева, Т. И. Рожкова, И. В. Лосева, Е. Б. Дерябина. Магнитогорск : МГТУ, 2015. 336 с.

Постникова Е. Г., Моисеева С. А. Чтение на войне: рефлексия, терапия, самоидентификация (на материале дневников 1943–1945 гг. подводника Северного флота Г. И. Сенникова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8. Ч. 2. С. 251–257. DOI 10.30853/filnauki.2018-8-2.7.

Потери личного состава ПЛ СФ // Великая Отечественная под водой : [официальный сайт]. URL: http://www.sovboat.ru/dead/mean_sf.php3 (дата обращения: 29.03.2019).

Сенников Г. И. Выстрел в бухте. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969. 91 с.

Это и моя война: Великая Отечественная война в письменных и визуальных эгодокументах : сб. док. / под ред. А. Ю. Рожкова, И. Г. Тажитдиновой. Краснодар : Традиция, 2016. 592 с.

«...Я умру, когда природа будет воскресать»: дневниковые записи 1940–1943 гг. / сост. Т. И. Рожкова, С. А. Моисеева, И. А. Филиппова. Магнитогорск : МаГУ, 2010. 124 с.

References

Arkhiv laboratorii narodnoi kul'tury (L NK) [Archive of Folk Culture Laboratory (L NK)]. Frontovye zapisi Sennikova G. I. Rukopisnyi fond (RF). 42. Dos. 1, 2, 3, 4.

Egorov, O. G. (2011). *Russkii literaturnyi dnevnik XIX veka. Istoriya i teoriya zhanra. Issledovanie* [The Russian Literary Diary of the 19th Century. The History and Theory of Genre. Research]. 2nd Ed. Moscow, Flinta, Nauka. 280 p.

Imennoi spisok bezvozvratnykh poter' lichnogo sostava [Nominal Roll of Irrevocable Personnel Losses]. (N. d.). In *Pamyat' naroda* [official website]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie77738801/ (mode of access: 29.03.2019).

Moiseeva, S. A., Rozhkova, T. I., Loseva, I. V., Deryabina, E. B. (Eds.). (2015). *O voine iz voiny: narodnaya pis'mennost' 1941–1945 gg.* [About the War from the War Perspective: Folk Writings from 1941–1945]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet. 336 p.

Nurkova, V. (2010). Rasskazyvat' o sebe, rasskazyvat' sebya, rasskazyvat' soboi: avtobiograaficheskii narrativ s pozitsii kul'turno-deyatel'nostnogo podkhoda [Telling about Oneself, Telling Oneself, Telling by Oneself: Autobiographical Narrative from the Standpoint of the Cultural Activity Approach]. In *Razvitie lichnosti* No. 1, pp. 73–92.

Postnikova, E. G., Moiseeva, S. A. (2018). Chtenie na voine: refleksiya, terapiya, samoidentifikatsiya (na materiale dnevnikov 1943–1945 gg. podvodnika Severnogo flota G. I. Sennikova) [Reading at War: Reflection, Therapy, Self-Identification (Based on the Diaries from 1943–1945 Written by Submariner of the Northern Fleet G. I. Sennikov)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8. Part 2, pp. 251–257. DOI 10.30853/filnauki.2018-8-2.7.

Poteri lichnogo sostava podvodnykh lodok Severnogo flota [Personnel Loss of the Submarines of the Northern Fleet]. (N. d.). In *Velikaya otechestvennaya pod vodoi* [official website]. URL: http://www.sovboat.ru/dead/mean_sf.php3 (mode of access: 29.03.2019).

Rozhkov, A. Yu., Tazhitdinova, I. G. (Eds.). (2016). *Eto i moya voina: Velikaya Otechestvennaya voina v pis'mennykh i vizual'nykh ego-dokumentakh* [This is My War: The Great Patriotic War in Written and Visual Ego-Documents]. Krasnodar, Traditsiya. 592 p.

Rozhkova, T. I., Moiseyeva, S. A., Filippova, I. A. (Eds.). (2010). "...Ya umru, kogda priroda budet voskresat'": dnevnikovye zapisi 1940–1943 gg. ["...I will die when nature resurrects": Diary Records from 1940–1943]. Magnitogorsk, Magnitogorskii gosudarstvennyi universitet. 124 p.

Sennikov, G. I. (1969). *Vystrel v bukhte* [A Shot in the Bay]. Sverdlovsk, Sredne-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo. 91 p.

The article was submitted on 05.05.2019

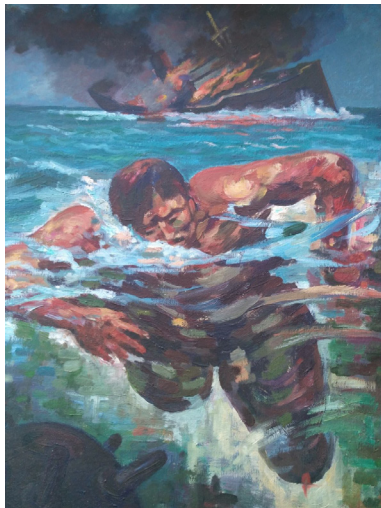
Иллюстрации к статье:
 Екатерина Постникова, Виктория Волкова.
 Это мой мир: фронтовые дневники матроса-подводника

Illustration for the article:
 Yekaterina Postnikova, Viktoriya Volkova.
 This is my world: a submariner's battlefield diary

Страницы из фронтового дневника Г. И. Сенникова. 1943–1944.
 Рисунок «Лодка на дне»

Pages from the battlefield diary of G. I. Sennikov. 1943–1944.
 The Submarine on the Bottom, drawing

Г. И. Сенников. Матрос.
 1987. Холст, масло
 G. I. Sennikov. Sailor.
 1987. Oil on canvas